

- Бердяев Н. А.* Судьба России. М., 1990.
- Бердяев Н. А.* Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века // Русская идея: В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья: В 2 т. Т. 2. М., 1994.
- Большая Российская энциклопедия. М., 2004.
- Зеньковский В. В.* Русские мыслители и Европа. М., 1997.
- Митрополит Иоанн.* Самодержавие Духа: Очерки русского самосознания // Иоанн Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. Русская симфония. СПб., 1998.
- Ильин И. А.* Основы христианской культуры: В 10 т. Т.1. М., 1996.
- Ипполитов С. С.* «Не могу оторваться от России...» (роль русских издательств в процессе социально-культурной адаптации российской эмиграции). М., 2000.
- Карсавин Л. П.* Восток, Запад и русская идея // Карсавин Л. П. Соч. М., 1993.
- Лосский Н. О.* Воспоминания. Жизнь и философский путь. Мюнхен, 1968.
- Лосский Н. О.* О русском характере. М., 1990.
- Лосский Н. О.* Характер русского народа // Лосский Н. О. Условия абсолютного добра: Основы этики. Характер русского народа. М., 1991.
- Писатели русского зарубежья (1918—1940): Справ. Ч. 1—3. М., 1993—1995.
- Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции, 1919—1939. М., 1994.
- Советско-чехословацкие отношения между двумя мировыми войнами, 1918—1939. М., 1968.
- Сорокин П.* Второе письмо другу // Борьба за Россию. Прага. №114.
- Степун Федор.* Мысли о России: Литература русского зарубежья: Антология. Т.1, кн.1. М., 1990.
- Струве Г.* Русская литература в изгнании. Париж; Москва, 1996.
- Тарле Г. Я.* Научный симпозиум по проблемам истории адаптации российских эмигрантов // Отч. история. 1995. № 5.
- Толстой А. В.* Русская художественная эмиграция в Европе, XX век: Автореф. дис. ... докт. искусствоведения. М., 2002.
- Федотов Г. П.* Новое отечество // Федотов Г. П. Судьба и грехи России: В 2 т. Т. 2. СПб.; София, 1991.
- Франк С. Л.* Русское мировоззрение // Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1992.
- Цепилова В. И.* Историческая наука русского зарубежья в оценке современных исследователей // Изв. Урал. гос. ун-та. 2003. № 27. [Сер.] Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 14.
- Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь // Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. М., 1966.

М. В. Капкан

УРАЛЬСКИЕ ГОРОДА-ЗАВОДЫ: МИФОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТРУКТЫ

Современная культура немислима без мифа. Данный феномен присутствует во многих явлениях культуры. Одной из точек его приложения является создание имиджа города. Основой для этого стало типичное для некоторых категорий российских городов несоответствие официального статуса реальной ситуации, сложившейся на рубеже XX—XXI вв. Преимущественно формальное присвоение статуса города без учета социокультурных особенностей поселения, характерное для российской урбанизации XX в., обусловило для многих городов обострение

проблемы самоопределения. К числу таких городов относится и город-завод. С момента возникновения он оказывается точкой взаимодействия различных культур, что неоднозначно сказывается на всех сферах его жизни.

Среди стратегий преодоления противоречий важное место принадлежит мифу. Можно сказать, что это самая распространенная форма гармонизации в культуре XX в., востребованность которой связана с увеличением объема информации, получаемой человеком. Репрезентация через миф оказывается наиболее эффективной, так как позволяет транслировать сообщение в максимально емкой форме. Не меньшую значимость имеет мифологизирующая стратегия построения идентичности.

Феномен мифа имеет давнюю историю изучения. Однако само понятие «миф» остается дискуссионным. Его границы четко не определены. Так, ряд исследователей, говоря о мифе, подразумевают под этим понятием исключительно архаический миф (К. Хюбнер, К. Леви-Стросс). Именно на такой трактовке мифа основаны ранние работы данной проблематики. Наряду с этим в XX в. возникает иное направление исследований, связанное с феноменом современного мифа (Э. Кассирер, К. Г. Юнг). Современный миф близок здесь по своим характеристикам мифу архаическому. Особое место в разработке проблемы современного мифа принадлежит Р. Барту, который указал на социальный аспект современной мифологии и поставил вопрос о ее связи с идеологией. В исследованиях последних лет зачастую происходит отождествление таких понятий, как миф и идеология, миф и имидж. Расширение понятия «миф», свойственное XX столетию, «выражается, с одной стороны, в отказе от сознательной ориентации на древние традиции и на использование с новыми целями привычных образов подлинной мифологии, а с другой — наоборот — в приравнивании всякой традиции к традиции мифологической» [Мелетинский, 1995, 105]. Вместе с тем в них подчеркивается принципиально значимая составляющая современного мифа, а именно его обусловленность потребностями власти и общества. В этом отношении можно согласиться с определением мифа как «духовной реальности, которая при помощи духовных ритуалов обслуживает социальный порядок» [Лобок, 1997, 278]. Тем самым миф приобретает статус не столько собственно культурного, сколько социокультурного феномена.

Мифологизация локуса обитания — одна из распространенных тенденций в культуре. Как отмечает В. В. Абашев, «каждое место склонно к своего рода локодице. То есть человек стремится оправдать место своей жизни как нечто особенное, уникальное, избранное, от века предустановленное, порой даже вопреки очевидной эмпирической ничем-особым-не-отмеченности этого самого места» [Абашев, 2000, 276]. В этом можно видеть отражение базовой потребности человека в осмыслении мира и своего места в мире, ибо «человек является существом, интерпретирующим себя и социальный мир, в котором он живет» [Абельс, 1999, 44]. Исследования в данном направлении достаточно многочисленны. Прежде всего это работы, посвященные таким значимым для русской культуры городам, как Москва и Санкт-Петербург. Другой существенный пласт исследований составля-

ют работы, в которых анализируется феномен регионального мифа, взятый в различных контекстах. К таковым следует отнести монографию И. Я. Мурзиной «Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания», где подробно рассмотрены основные мифологемы Урала, и работы В. В. Абашева, в которых в широком социокультурном контексте освещается проблема «пермского текста».

Мифология Урала является достаточно разработанной областью исследований и объектом интереса не только культурологов, но и историков, филологов. Однако рассмотрение в этом контексте города-завода еще не стало предметом пристального анализа. Вместе с тем данный феномен заслуживает внимания, с одной стороны, как репрезентант мифа Урала, с другой — как образец решения проблем города через мифологизацию. Мифы города-завода нельзя рассматривать как простой перенос региональных мифологем на город-завод. Их взаимодействие гораздо более проблематично и требует подробного изучения. В этом отношении анализ мифов города-завода представляется актуальным и перспективным направлением исследования.

Под термином «город-завод» мы понимаем специфический тип уральского города, который сформировался в конце XVII—XVIII в. как поселение при железоделательном заводе, получил официальный статус города после революции и на протяжении всего своего существования сохранял производственную функцию в качестве основной. Примерами городов-заводов могут служить Алапаевск, Нижний Тагил, Верхняя Салда. В статье рассматриваются мифологические конструкции, присущие данному типу городов.

Осознавая некоторую неточность применения понятия «город» к рассматриваемому типу поселений до 1918—1920 гг., отметим все же, что речь в данном случае идет не об административном статусе, а о сущностных характеристиках поселения. По численности населения, промышленному потенциалу, месту в общегосударственной структуре производства с формальной точки зрения эти поселения правомерно отнести к городам. С точки зрения культуры принадлежность их к городам определяется спецификой типа личности, развитостью культурных коммуникаций и особой системой ценностей, одно из центральных мест в которой занимает независимость. Поэтому применительно к городам-заводам термин «город» с культурологической точки зрения вполне уместен.

Само обозначение этого типа поселений появилось лишь в XX в. (до этого он носил название «завод») и, по сути, стало первой его мифологемой, поскольку исторически такие поселения позиционировались как поселки. Вместе с тем, как будет показано ниже, подобное наименование было не лишено оснований, потому что «заводы» обладали многими чертами городской культуры задолго до официального признания их городами. Не случайно уже Семенов-Тянь-Шанский определял данный тип поселений как «истинные города» [см.: Город и деревня..., 2001]. Такая оценка была дана с точки зрения их социально-экономических характеристик. Попробуем обосновать ее с позиции социокультурных особенностей города-завода.

Города-заводы — это «условное теоретическое название, отражающее функциональный характер образования промышленных поселений на основе отдельных заводов» [Лотарева, 1994, 131]. Возникновение города-завода — уникальное для России явление. Как правило, город создавался как административный или торговый центр на основе уже имеющегося поселения или вырос из развитого села. В последнем случае к моменту перехода в новый статус был сформирован как производственный (функциональный), так и личностный его потенциал. Город-завод типичен как нововведение Петровской эпохи. Его становление шло революционным, а не эволюционным путем, что и позволило впоследствии развить миф о революционной активности уральских городов. Все развитие города-завода диктовалось не внутренними закономерностями, а представлениями кого-то третьего, будь то государство или заводчики. Таким образом, город-завод представляет собой определенную форму, которая с успехом может быть заполнена теми или иными смыслами. Данное свойство делает город-завод удобным для мифологизации.

Статус поселения долгое время оставался очень неопределенным. С одной стороны, по всем социально-экономическим показателям это был уже вполне развитый город, с другой стороны, будучи частью владений конкретных лиц, «завод» не имел права называться городом и по сути своей был близок к крепостному селу: «Заводские поселения (в отличие от большинства сельских) создавались не стихийно, а по замыслу заводчиков или заводской администрации. Под контролем и даже при прямом их участии происходило формирование населения заводских поселений» [Неклюдов, 2002, 215].

Своеобразие планировки и застройки городов-заводов заключалось в том, что их «общественные центры, включавшие административные, культовые, торговые здания и дом управителя или заводовладельца, совмещались с входом на завод и находились на предзаводских площадях» [Лотарева, 1993, 97]. В облике города-завода примечательна еще одна особенность. Он определяется двумя вертикалями: одна из них традиционная — церковь, другая — заводские трубы. Таким образом, мы видим активное включение производственного аспекта в традиционную структуру города.

Название поселения задает, с одной стороны, цель его существованию и основную функцию, с другой — стратегию ее осуществления и статус, определяющий значение поселения в общей социокультурной структуре государства. Уже в самом названии этого типа поселения заложена стратегия постоянного перерабатывания природного материала как базовая функция города. Как все основные здания города стягиваются к проходной завода, так и все функции этого города базируются на производственной. В «исторических городах» духовная и производственная деятельность оказывались слиты воедино, что позволяло этим городам выполнять культуротворческую роль по отношению к основной территории, в то время как в молодых городах духовная составляющая была «делегирована» находящимся на более высокой ступени административного устройства центрам [см.: Мурзина, 2003].

Однако говорить о полном отсутствии культуры в городе-заводе неправомерно. С данным типом поселения связан специфический тип культуры, получивший название горно-заводской культуры. Ее основные особенности традиционно определяются следующим образом: «Горно-заводская культура является особым (региональным) типом культуры, тесно связавшей традиционно-крестьянскую и собственно городскую ветви, устойчивость со способностью и своеобразной настроенностью-восприимчивостью к новому» [Мурзина, 2003, 77]. Однако, несмотря на то что в общих чертах такое определение верно, оно не затрагивает многие существенные признаки данной культуры. В частности, остается неосвещенным вопрос о соотношении в ней черт городской и сельской культур, об основных ценностях горно-заводской культуры и о специфике ее бытования.

Амбивалентность городов-заводов, их причастность одновременно городской и сельской культуре отмечают многие исследователи. Для того чтобы прояснить этот вопрос, можно выделить следующие антиномии, присущие городу-заводу:

- **Линейность — цикличность в времени.** В сельской культуре время носит циклический характер. Оно тесно связано с сельскохозяйственными работами и природным календарем. Это время основано на идее вечной повторяемости. Все это предполагает, во-первых, созерцательность мировосприятия человека, а во-вторых — его тесную взаимосвязь с природой. Время городской культуры линейно в своем общем движении и имеет определенную векторную направленность в каждом отдельном случае: «Городская жизнь начинается с размыкания кругообразного календарного цикла» [Ромашко, 2002, 97]. Оно утверждает неповторимость каждого мгновения и порождает некоторую трагичность мировосприятия. В результате возникает стремление «остановить мгновение», что выражается в активной преобразовательной деятельности индивида.

Город-завод совмещает в себе обе представленные концепции. Как известно, на время сельскохозяйственных работ производственный процесс на уральских заводах останавливался. Вместе с тем налицо и черты линейного времени, связанные прежде всего с векторной направленностью деятельности жителя и рабочего города-завода.

- **Родство с природой — противопоставление ей.** Для сельской культуры оппозиция «культура — природа» не является актуальной, граница между этими понятиями остается достаточно размытой. Человек не столько преобразует природу, сколько осваивает ее, согласуя свои действия с природными законами. Он как бы встроен в единую систему природы как важный, но отнюдь не доминантный ее элемент. Город же противостоит природе. Он изначально возникает как пространство, конструирующее собственные законы и подавляющее природные ритмы, утверждающее свою автономность от них. Следствием такой ситуации является постоянное напряжение поляризованного поля городской культуры, где человек испытывает дискомфорт из-за психологических и иных перегрузок.

На первый взгляд город-завод тесно связан с природой, окружающим ландшафтом. Он всегда возникает у реки, которая играет структурообразующую роль для него, в непосредственной близости от гор. Сами по себе река и гора — доста-

точно значимые природные объекты, которые традиционно имели сакральный характер и не допускали по отношению к себе преобразовательных действий человека. Они определяли образ жизни человека. Укоренившиеся в уральской мифологии представления о могучих духах воды и особенно гор, казалось бы, подтверждают это положение. Однако тот способ, каким эти природные объекты вовлекаются в пространство города и осваиваются им, свидетельствует об обратном. Перед нами яркий пример подчинения, в широком смысле слова «окультуривания» природы, т. е. вовлечения ее в преобразовательную деятельность человека в качестве объекта. Река, безусловно, определяет структуру города, но сама она оказывается перегорожена плотиной, которая является визуальным выражением подчинения природы интересам и потребностям человека. Река в данном случае принадлежит не только и не столько природному пространству, сколько социальному.

Город-завод, как, пожалуй, ни один тип поселения, обособлен от окружающего пространства. Противопоставление природы и культуры приобретает здесь почти онтологический статус. Это особенно удивительно, если учесть, что города-заводы по сути своей неразрывно связаны с окружающим ландшафтом.

• **Индивидуальность — коллективность сознания.** Сознание субъекта сельской культуры действует с опорой на традицию, т. е. на коллективный опыт. Человек села постоянно идентифицирует себя как с современным ему коллективом, так и с предшествующими поколениями. Система ценностей является недифференцированной. Единственная одобряемая форма индивидуализации связана с наибольшим соответствием системе норм и ценностей, моделей поведения. Стратегия поведения и мышления предзадана человеку, он лишь следует ей с той или иной степенью соответствия. Личностный образец сельской культуры — человек, который своим жизненным успехом подтверждает эффективность принятой системы норм и ценностей, образцов поведения. Городская культура предполагает индивидуальность. Бытие человека в городской культуре — это всегда творчество, всегда выбор. Человек выбирает жизненный путь, систему ценностей, референтную группу. Жизнь в городе связана с постоянным расширением сознания, с выходом за границы освоенного.

Таким образом, перед нами **специфический хронотоп**, синтезирующий черты традиционных хронотопов города и села. Он характеризуется циклическим временем (свойство сельской культуры) и обособленным от природы пространством (черта городской культуры). В результате складывается особый, замкнутый на себя мир, где человек ориентирован исключительно на свою основную деятельность, которая и определяет границы его горизонта. С этим связана и некоторая ограниченность сознания заводского рабочего, часто отмечаемая исследователями. Данный хронотоп самодостаточен по сути и опирается в первую очередь на традицию, сложившийся уклад. Это жизнь как вечная повторяемость, где задача человека — поддерживать миропорядок своим трудом, поскольку его стабильность обеспечивается самим человеком.

Житель «завода» изначально отличен от традиционного городского жителя. Как известно, население «заводов» формировалось из крепостных крестьян и бег-

лых людей. Сам по себе средний тип горожанина, который формируется в результате их синтеза, достаточно противоречив. В нем сочетается традиционализм мышления, опора на нормы и ценности предшествующих поколений и протест против установленного порядка. В случае города-завода происходит конструирование городского типа личности средствами городской культуры, а не культуры через сознательную активность личности, т. е. тип личности оказывается вторичен по отношению к городу и его культуре. Должно было пройти определенное время, чтобы житель города-завода обрел самосознание и стал активным участником культурного процесса.

Самосознание жителя города-завода формировалось как идентификация себя не в качестве горожанина и полноправного гражданина данного города, а в качестве рабочего определенного завода, члена некоего трудового коллектива, т. е. общественное доминировало над личным (характерная черта сельской культуры).

Что же касается такой неотъемлемой характеристики любого города, как поликультурность, то в этом отношении «завод» практически с момента появления можно считать истинным городом. Урал в целом отличается разнообразием культур — от культуры коренных народов, которая оказала малозначительное влияние на последующее развитие региона, до культуры переселенцев, легшей в основу собственно уральской культуры. Процесс взаимовлияния и включения новых культур продолжается в регионе до сих пор в связи с постоянными, естественными или вынужденными, миграциями. Хотя отношение к субъектам другой культуры часто было настороженным, сам факт их сосуществования провоцировал сближение и синтез культур.

Итак, город-завод — специфический тип поселения, объединяющий черты городской и сельской культур при явном доминировании признаков города. Основными его чертами являются вторичность культуры по отношению к производству и относительная пассивность его жителя как субъекта этой культуры.

Постепенное угасание сельской культуры не привело к становлению собственно города. Прежняя оппозиция «городское — сельское» сменилась оппозицией «городское — заводское». Завод принял на себя часть характеристик сельской культуры, главная из которых — коллективизм. При этом произошла определенная инверсия. Если первоначально необычность поселения связывалась с наличием в нем городских черт, то впоследствии специфичной стала заводская составляющая культуры города-завода. Именно через нее стала репрезентироваться характеристика уникальности данного поселения. Развитие завода привело к складыванию типично городского типа поселения, хотя формально оно оставалось селом.

В ходе развития города формируется двухполюсная структура, где функции муниципальной власти во многом дублируются, а порой и присваиваются заводом. В реальном бытовании нередко возникает деформация, в результате которой завод начинает доминировать над городом. Отношения между городом и заводом зачастую выражаются не столько понятием «градообразующее предприятие», сколько «поселение при заводе». Такое положение было естественным в XVIII в.,

когда завод возник раньше поселения, т. е. функция предшествовала субъекту действия, однако в условиях официального доминирования города данная ситуация приобретает черты мифа. Парадоксальным образом завод, первоначально обеспечивший складывание городского образа жизни, в дальнейшем становится антиподом нарождающегося города. Возможно, причина кроется в проблеме распределения функций. Первоначально административная функция принадлежала заводу. Позднее она перешла к городу, что является проблемой во многом политической, однако и социокультурной также. Очевидно, что здесь налицо два типа самоопределения поселения — промышленный город и поселок при заводе. Решение проблемы идет двумя путями в зависимости от избираемой идентичности. В первом случае идет обращение к универсальным метафорам урбанизации и актуализация собственно городской составляющей культуры города-завода. Во втором случае происходит разработка базовых мифологем Урала и эксплуатация структур сельской культуры.

На внутреннюю специфичность города-завода наслаивается и региональная уникальность. Урал подвергался активной мифологизации как нетрадиционный для русской культуры хронотоп, как локус особых смыслов и ценностей. Идея освоения, сопряженного с опасностью для жизни, породила представление об Урале как о месте борьбы человека и природы. Хотя образ горного хребта как границы между своим и чужим пространством достаточно быстро утратил актуальность, его символическое значение границы двух миров — человеческого и надчеловеческого — сохранилось, поддерживаемое остальными элементами мифологической системы. Внимание к подземной, потаенной составляющей ландшафта укрепляло интерес к потусторонним силам, сохраняло оппозицию человека и природной стихии.

В этих условиях город (и вообще любое поселение) приобретает особый статус. Он формируется как своеобразный форпост собственно культурного, как пространство сопротивления враждебному природному началу. В результате город становится неким медиатором между двумя мирами. Отсюда представления о нем как средоточии враждебных сил.

Не будем забывать и о том, что работа с железом в архаической мифологии маркировалась как связь с темными силами. Кузнец, трансформированный в новой ситуации в образ рабочего, воспринимался как пограничная личность. Эти же характеристики были перенесены на город-завод. Основная функция данного поселения — добыча и обработка железной руды, т. е. деятельность, заведомо предполагающая соприкосновение с неизвестным миром. Поэтому в образе города-завода подчеркивается, как правило, его «дьявольское» начало, враждебное человеку, и одновременно принадлежность поселения цивилизации, оторванность от природы. Таким образом, пограничность в географическом отношении ведет к мифологической пограничности. По сути, металлургическое производство и связанная с ним добыча руды приравниваются по своему мифологическому значению к кузнечной деятельности, что приводит к переносу основных ее характеристик на функционирование завода и, следовательно, на существование города.

Таким образом, культурная амбивалентность города-завода подкрепляется его мифологической амбивалентностью. Огонь и плавящаяся руда становятся, с одной стороны, символами культуры, восходящими к античному образу Прометея, а с другой — знаками принадлежности к природной стихии.

Специфично здесь и отношение к личности. Доминирование природного, стихийного приводит к тому, что значимость отдельной личности нивелируется (это перекликается с уже рассмотренной оппозицией «индивидуализм — коллективизм»). Поле ее активности ограничивается противодействием господствующих сил природы. Характерный для русской культуры мотив безуспешного поединка человека с законами природы здесь модернизируется, но сохраняет основную интенцию. Вместе с тем личность предельно активна, поскольку все ее существование связано с постоянным преодолением сопротивления среды. Урал не знает пассивного, созерцательного мироотношения. Жизнь здесь может быть только борьбой.

Следует отметить, что в случае города-завода мы имеем дело со специфическим совмещением мифологем. Неотъемлемой характеристикой данных поселений является соседство с горами. Таким образом, происходит синтез двух весьма значимых символов: «Город на горах присваивает некоторые социокультурные статусные функции центра — быть герменевтической машиной, осуществляющей перевод кодов несовместимых жизненных укладов, быть политемпоральным многомерным ландшафтным местом, отвечающим за нормативно-семиотическое обустройство территории, за производство и поглощение знаков» [Кропотов, 2002, 126].

В этих условиях возможны два типа мифологизации. Один из них непосредственно связан с архаической мифологией. Акцент здесь сделан на фатализме, растворение человека в природе подменяется его подчиненностью стихии. С этой же мифологической тенденцией связана и сельская компонента культуры города-завода с присущими ей коллективизмом, цикличностью времени, близостью к природе. В комплексе все это порождает аналог архаического мифа.

Другой вариант мифа связан с иными представлениями о мире и человеке. Здесь акцентируется пафос преодоления. Подчеркивается независимый, деятельный характер человека. Природа выступает не столько как активное враждебное начало, сколько как материал, требующий обработки. Подобную мифологическую тенденцию можно обозначить как модернизирующую. Очевидно, что в ее основе лежат элементы городской культуры. Она базируется на ценностях Нового времени. Человек здесь автономен и находится вне влияния иррациональных сил.

Подведем некоторые итоги. Синтез черт городской и сельской культур, присущий городу-заводу, порождает некое противоречие в самоопределении. Другим значимым фактором мифологизации выступает комплекс мифологических представлений, связанных с Уралом. В результате возникает две основных тенденции в конструировании мифа города-завода, которые условно можно определить как архаизирующую и модернизирующую. Им соответствуют миф завода и миф города. Вся символическую историю подобных поселений можно рас-

смагивать как борьбу мифа города с мифом завода. Миф завода базируется на сельской компоненте поселения и эксплуатирует в несколько трансформированном виде архаический пласт мифологем. Миф города связан с ощущением особой значимости поселения (с явно расширенными по сравнению с селом функциями) в структуре государства.

Абашев В. В. Пермь как центр мира // Новое лит. обозрение. 2000. № 6 (46).

Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация: Введение в интерпретативную социологию. СПб., 1999.

Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Моногр. сб. / Ред.- сост. Т. Нефедова, П. Полян, А. Трейвиш. М., 2001.

Кропотов С. Л. Экология культуры и экономика постиндустриального города // Изв. Урал. гос. ун-та. 2002. № 23. [Сер.] Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 12.

Лобок А. М. Антропология мифа. Екатеринбург, 1997.

Лотарева Р. М. Города-заводы России, XVIII — первая половина XIX в. Екатеринбург, 1993.

Мелетинский Е. Поэтика мифа. М., 1995.

Мурзина И. Я. Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания. Екатеринбург, 2003.

Неклюдов Е. Г. Типы заводских поселений на Урале (на примере Нижнетагильского округа Демидовых XVIII — первой половины XIX в.) // Третьи Татищевские чтения: Тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 2002.

Ромашко С. Монумент — сувенир — улика: временная ось мегаполиса // Логос. 2002. № 3/4.

Е. Г. Калюжная

ИМИДЖ: ПРЕДЫСТОРИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ФЕНОМЕНА

Современные политические, социально-экономические и культурные условия актуализировали проблемы, связанные с имиджем. В общественном сознании закрепилось представление об имидже как об «определенной ценности, от наличия и качества которой зависит жизненный успех, как и успешность любой деятельности, индивидуальной или коллективной» [Перельгина, 2002, 12]. Теория имиджа считается относительно новой областью исследований, которые ведутся в рамках различных наук — психологии, социальной философии, культурологии, антропологии, экономики и др. В связи с этим строгие научные представления об имидже и его месте в ряду других научных категорий только начинают формироваться. Как отмечает Б. Л. Борисов, «в современном русском языке английское слово “image” наделяется такой емкостью и многозначностью, что его по праву можно отнести к категории мультикультурных символов. Образ, мотив, роль, ампула, маска, типаж, мода, установка, фасад, репутация, лицедейство, прогнози-